

Андрей Ревягин

ТАЙНЫ
СТАРОГАСТРОНОМОВСКОГО
ДВОРА

2

Андрей Иванович Ревягин

Тайны Старогастрономовского двора – 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74242861

Тайны Старогастрономовского двора – 2: рассказы / А. Ревягин:

Четыре; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-908132-39-8

Аннотация

Старогастрономовский двор является кладезем ума и таланта, надежд и свершений, исканий и упорства, побед и торжества... Много тайн хранит Старогастрономовский двор. Автору в этом дворе посчастливилось жить... А дворовые друзья – ребята, парни-пацаны, товарищи – это самые лучшие друзья на свете! Они – самые смелые, умные, смекалистые и находчивые – самые надёжные и самые настоящие друзья!.. С ними хорошо...

Содержание

Первая любовь	6
Как дятел внеочередное звание присвоил	12
Красавица и чудище	17
Ревизор	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Ревягин
Тайны
Старогастрономовского
двора – 2

издательство

ЧЕТЫРЕ

© А. Ревягин, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Андрей Ревягин

Первая любовь

Мало быть студенткой, комсомолкой, спортсменкой и просто красавицей (а такой и была моя тётя Зина), надо быть ещё и умницей...

В те годы (конец пятидесятых) тётя Зина была студенткой металлургического факультета УПИ, а мне было лет семь-восемь.

И вот в один из красивейших дней лета (у тётки Зины были каникулы, а у меня вообще «счастливая летняя пора»), направились мы с ней на озеро Шарташ, чтобы прокатиться с ветерком по водной глади на катере (а что, можем себе позволить!).

Катеров, надо сказать, было два – «Ермак» и «Варяг» (они плавали, а, вернее, ходили, как говорят истинные мореманы и примкнувшие к ним, навстречу друг другу от одного берега к дальнему другому, утопающему в дымке, и обратно; пассажиров в открытом салоне каждого катера располагалось порядка двадцати человек).

Но, видимо, когда мы подошли, один катер уже ушёл, а второй ещё не подошёл (они встречались где-то на середине озера), и поэтому нам пришлось коротать время на берегу, у причала.

А может быть, билеты на ближайший рейс были уже распроданы?... Летом на озере Шарташ всегда многолюдно – оно

расположено практически в черте города: от конечной остановки трамвая нужно было пройти пешком возле частного сектора, а потом пересечь лесок, окружающий Каменные палатки (красивое гранитное нагромождение громадных плит; говорят, что прибыло оно на это место в далёкий ледниковый период и было доставлено, как бульдозером, самим ледником, который потом растаял).

У причала мальчишки удочками ловили рыбу.

Возле одного парня (на вид он был чуть постарше меня) я увидел стеклянную банку, в которой плавала маленькая рыбка, видимо, только что пойманная.

Мы с тётей Зиной подошли.

Ну, мороженую рыбу и рыбу в виде «селёдки» (то есть крупную рыбу) я видел и дома, и в магазине, а тут была рыбка маленькая и живая... А аквариумов (никаких) в то время в нашем (даже и в трёхэтажном) доме ни у кого не было (чтобы хоть раз посмотреть на живую рыбку, да ещё и маленькую!).

Короче говоря, я так, видимо, налетел (душой и телом, как сказал бы поэт, будь он рядом) на это чудо-чудное всем своим существом (рассматривая его со всех сторон и сверху), что даже тётя Зина глубоко впечатлилась этим моим неподдельным интересом.

А поскольку она была умницей, как я уже сказал (а она была студенткой УПИ – классного института, в который и я тоже поступил потом), она тут же смекнула и решила сделать

мне приятное. Да какое там приятное, она просто, как это говорят, фурор произвела! – и в душе, и в теле «юноши (как сказал один из великих) обдумывающем житьё».

Она сказала тому мальчику (доставая портмоне):

– Мальчик, хочешь мороженое? Пломбир...

Ого! Пломбир...

Я искоса (оцениваяще) посмотрел – и на мальчика, и на тётю Зину...

И вдруг в моём до конца, скажем так, не опытном ещё уме кое-что начало прорисовываться, я стал вдруг понимать тётю Зину. Вот умница!..

– А ты останешься сегодня без мороженого!.. – поймала тётя Зина мой настороженный взгляд.

Да какое там может быть мороженое!.. Я понимающе залыбился (как говорят, залыбился, как дурак).

Я всё понял! Ну, во-первых, мороженое – ведь не каждый день. («Не графья, чать!..» – как бабушка говорит.) А во-вторых, она сделала упор на слове «сегодня», а сегодня день прогулочно-выходной (и, значит, по сути, праздничный), и если я в праздничный день должен остаться без мороженого, значит, тётя Зина задумала что-то явно грандиозное!..

А тётя Зина продолжила говорить с мальчиком, объясняя ему, что она хотела бы купить у него рыбку... за мороженое. Пломбир...

Вот умница-то!..

Теперь дело было за мальчиком. Я уставился на него, как

сам Вольф Мессинг (в то время о нём много говорили).

Мальчик что-то то ли медлил, то ли соображал...

А что соображать? За одну маленькую рыбку – целую мороженку!

Рыбку-то куда? Кошке только (да и кошка-то может заупрямиться, глядячи на такую еду)...

Да он, как рыбак заядлый, сейчас и ещё наловит... этих рыбок... Во всяком случае, кошке-то всегда достанется...

Но, похоже, мальчик медлил потому, что сам оказался в замешательстве. А попросту сказать, ошарашило, видимо, его это предложение. Сделка, как модно это сейчас называется!..

Может, для него такое впервые: что-то продать... Вот, оказывается, рыбку поймал, и её можно продать...

Но в общем он понял предложение. И вроде бы (в общих его пацанских чертах, которые от заинтересованного взгляда не скроешь) согласился...

А чего такого? Он и ещё наловит... Да он и рыба-чит-то только для своего полноценного мальчишеского отдыха (чтобы было потом что вспомнить)... Нужна ему, мол, эта рыба... да ещё и всякая мелкота...

Я, однако, поднапрягся – смотрю на него (как говорят, застыл»), и тут никаким Вольфом Мессингом не надо было быть, чтобы увидеть, что он согласился на наши условия (не бесплатно же нам рыбку отдавать – кто мы ему такие?).

И вот, дорогие друзья, если бы меня спросили в тот мо-

мент: «Что такое любовь?..», я бы ответил, что любовь – это обладание своей рыбкой!..

Но ведь не всё так гладко выходит в нашей (как говорится, повседневной и обыденной) жизни! А вы думали?..

Тут же встал вопрос: как (в чём) нести рыбку домой? Мальчик свою банку не согласился отдавать...

Но тётя Зина же умница!

У неё (конечно же) оказался в сумочке полиэтиленовый мешочек (умопомрачительная новинка того времени; они тогда только что появились и были на вес золота).

Воду вместе с рыбкой перелили в полиэтиленовый мешок. Мальчик получил два рубля на пломбир (деньги ещё были «старые»). И мы отправились (неспешно) домой (поход по волнам на катере решили отложить; на сегодня эмоций и так было достаточно; да и с рыбкой на катере – ни то ни сё).

В трамвае новая беда приключилась! Мешок потёк – дал тоненькую-тоненькую струйку...

Я чуть с ума не сошёл от такой чуши и подлости...

Да... не просто всё в нашей жизни... Ты подчас и представить себе не можешь, что будет вот сейчас, за углом?..

Но тётя Зина – умница!

Она быстренько порылась в сумочке, нашла нитку (вот, всё надо иметь в наличии!), аккуратно перекрутила то место у мешка, где была дырка, сказала мне: «Держи!..» (я поспешно ухватился руками, ловкий, как тот самый не то что индеец Зоркий глаз – чуткий слух, а сам незабвенный и во

всём умелый Вольф Мессинг) – и мы устранили течь (вот сейчас рассказывают, что полиэтиленовые мешки и стирали с мылом, и сушили с прищепками... а вот мы ещё и перевязывали дырку – а где ты запасной возьмёшь?).

До дома рыбка доехала благополучно.

Мы налили ей целую трёхлитровую банку воды и выпустили рыбку в неё.

И я начал интенсивно кормить рыбку белым хлебом...

Рыбка ничего не кушала. Она усиленно дышала и дышала (очень округлым ртом)...

Наутро рыбка плавала в банке вверх животом. Она умерла...

Через несколько месяцев у меня появился первый аквариум: гуппи, меченосцы, моллинезии, барбусы...

Но эти рыбки были совсем другие. Та была – как первая любовь!..

Как дятел внеочередное звание присвоил (О себе писать трудно. Но надо!)

В детстве я побаивался стать знаменитым. Почему?.. Да потому что вот идёшь ты, допустим, в «общественном» и людном месте «широкоизвестный, популярный, легендарный и прославленный», высоко неся в будущее (тогда – в Коммунизм!) «картофелину» своего носа (маленькую пока и неказистую), и тут обязательно найдётся какой-нибудь «такой-сякой» дотошный и нудный «товарищ», который возьмёт да и непременно провозгласит при всех, отчётливо и громко:

– А расскажите, пожалуйста, что-нибудь о себе...

А что рассказывать?.. Вот и думай! Вот и красней! Вот и перетаптывайся неуклюжим таким увальнем на виду у всех (ставших вдруг «очень заинтересованными») окружающих людей... Ну, если начать рассказывать, что в школе ты учился на «твёрдую» четвёрку (а бывали, и пятёрки!), то все сразу скривятся:

– А-а... Начинается!.. А почему тебя тогда в космонавты не зачислили?.. – спросят.

Что тут ответишь?..

А если начать рассказывать, как мы в школьные годы со-

бирали металлолом и макулатуру, то все – вообще сморщатся, как семь (а то – и семьдесят семь) иностранных гномов от вкуса русской водки!..

– Да мы бы сейчас и по шесть куч собрали и того и другого!.. – заявят на это сморщенные и не на шутку разозлившиеся «гномы». – Благо расценки хорошие... Да бомжи всё подчистили! Ты нам на батон с маргарином кисель сладкий не намазывай...

Что им возразишь?..

Но вот, именно после «того» случая, о котором я сейчас расскажу, мне, впредь – никакие «заковыристые», «закомуристые» и просто каверзные вопросы были уже не страшны!..

...В тот день по всей Земле (и, надо полагать, – и «на дальних морях») расстиралось лето...

Шёл я с только что купленным мне новеньким спортивным великом «Спутник» (под ручку!) у Острой горки – по «траве-мураве», по «камешку-пластунку» да по жёлтенькому «песочку-сыпунку»... Сам из себя хоть и безусый, но – не босоногий... И не без цели шёл, а, так сказать, – организм на свежем воздухе выгуливал...

Иду. Сердце – поёт!.. Остальные органы – в норме... Пинаю поганки, изредка наклоняюсь за крупной ягодой земляникой, дышу...

Впечатления есть, но, если кто спросит, – рассказать нече-

го... Ну не будешь же ты рассказывать, что шёл... и буквально глотал «флюиды добра»... и отрицал, буквально вёл неприятие и незримую борьбу – с «флюидами зла»?!

В общем, иду – свежий такой: как американец Роки после драки... Филин – не «ухает» (правда, и не ночь пока!). Кукушка – не «кукует» (и не надо!). Волк – «зубом не щёлкает» (тоже хорошо!). Лисонька – «хвостом не метёт» (и ладно!). А серенький зайчик – даже и не пукнет, молодой (а, интересно бы!)...

День – проистекает... Длится... Продолжается...

Но только – чу!.. (Как дедушка Пришвин в своих книжках говаривал). Слышу – рядом, наверху, дятел «тукает». Тук-тук-тук!.. Тук-тук-тук!..

Посмотрел я наверх: вот он – «тута»!.. Лакомится... Червячком там?.. личинкой ли?.. жучком каким-не то (инжирно-жирным, жиробразным, паразитирующим) – короедом тем же!.. Или, опять же, «ассорти» употребляет (без всякого разбора)!..

Свистнул я!.. Он – ноль внимания...

Та-ак... Положил я велик на траву, взял палку (как «баушки» говорят: «сухонькую»). Подошёл к дереву...

Дятел сверху: тук-тук-тук!.. А я – снизу, по комлю дерева, палкой (тоже взялся, да и начал): тук-тук-тук!.. Начал ему подстукивать...

Дятел, наверное, хоть и оглох уже сам от себя (правда, знающие люди объясняют, что дятлы, когда «кушают», – у них

специальная мышца в голове им уши закладывает), но он, видать, почувствовал – лапками своими, что ему кто-то «тукоту добавляет» – через тело самого дерева. Посмотрел он вниз... Видит: типа пешеход какой-то лесной стоит... «Кент с палкой» (и лыбится всей своей хитрой рожей)!..

И тут сразу отвернулась – вижу – гордая птица... Мол – «иди гуляй»!.. «Вася» ты или кто?.. Грибы-ягоды – собирай, лекарственные травы возьми, шишек насшибай... Полно тут «этого-всего» – кругом!..

И снова – по дереву – дятел деловито застучал: тук-тук-тук!.. тук-тук-тук!..

Я – снизу палкой – опять за своё: тук-тук-тук!.. тук-тук-тук!..

Дятел вторично на меня посмотрел... Крылом даже в сердцах трепыхнул-чертыхнулся... Мол – да «идёшь ты пляшешь», парень-молодец!..

Повернулся и сызнава за своё дело принялся: тук-тук-тук!.. тук-тук-тук!..

Я опять палкой по дереву: тук-тук-тук!.. тук-тук-тук!..

Споро так это у нас стало получаться... Ладненько!.. Тук-аем «оба-два» – на весь окрест... Как почти что стерео-проигрыватель... Мужики в Копотино, наверное, уши малосольными огурцами затыкать начали...

Дятел, однако, подождал-подождал, пока я в очередной раз «оттюкаюсь палкой», и вновь на меня смотрит: ну – ты, дескать, уже достал, «парниша-фулюган»!..

Потом лапку – так это (б-а-а-летно – б-а-а-летно!) в сторону отставил (как «сам Цицкаридзе» в «Щелкунчике»)...

Да как – сирикнет на меня!.. (Переваренными, видать, короедами жирными!)

Вот это ни фига себе, ребята-пацаны!.. Ага?! Вы только представьте...

Нет-нет!.. (А вы-то подумали!) Не-ет!.. И ещё раз – нет! В глаз он мне не попал!..

Да точно говорю: не попал!..

Даже и на брови не «навесил»!..

Так, по плечам легонько «звёздочки» вроде как рассыпались-разбежались...

«Ну, – думаю, – старшего лейтенанта он мне точно дал!.. Присвоил!...»

Запрыгнул я на велик – и домой...

Приехал – и сразу к зеркалу (у нас – во всю стену)...

Смотрю – нет! капитана он мне всё-таки «присвоил» (и не важно, каких войск!)... По четыре «звёздочки» – на каждом плече, как говорится, «неистово горят»!.. Симметрично очень – чётко и аккуратно у него получилось-вышло...

Так что вот, ребята-пацаны хорошие и девчонки не менее великолепные, говорят же: не трави зверя!..

А я – со всем своим смирением и покорностью – добавлю ещё: и птицу тоже – не трави!..

Красавица и чудище

(Ангельское пение)

В моём подъезде поселилась красавица...

Ребята так и сказали (а они преувеличивать не будут):

– В твой подъезд въехала красавица! Юля зовут.

В мой подъезд... Да, так говорят – «мой подъезд» – потому, что в этом подъезде из наших дворовых ребят (шестого-седьмого класса школы) проживал только я, остальные парни жили в других подъездах нашего шестиподъездного дома. Наши парни хитрецы: говорят, а сами ухмыляются; и имя вот сразу её узнали – Юля. А вообще есть такое понимание в обществе, что поэты предчувствуют грядущую историю, так вот у нас во дворе (я думаю) такие же пацаны.

Я сам не захватил момент, как происходил переезд (поскольку был на занятиях в футбольной секции), но ребята рассказали, что отец у неё майор танковых войск (он руководил грузчиками при выгрузке мебели). А квартира в нашем подъезде на пятом этаже (в которую въехала эта красавица) освободилась ещё месяц назад.

То, что она была непременно красавица, наши ребята прикидывать и сюсюкать не будут: «Носик там – сю-сю-сю! Глазки там – тью-тью-тью! Роскошные кудряшки русских волос – сю-сю-сю!», сказали «красавица», значит, так оно и есть!

А насчёт того (это сразу надо сказать), что я сам назвался чудищем (и буду так себя называть в этом рассказе далее), так ведь любому же нормальному пацану не очень же нравится (а то и абсолютно не нравится!) его личное отражение в любом зеркале (поэтому-то такие парни, как я, и не любят заглядывать в зеркала!) – это раз. А второе – если вспомнить русскую сказку «Аленький цветочек» (а этот фильм все смотрели!), то там тоже был чудище, который сам стеснялся себя, своего страшного вида, как он это объяснял девушке Настеньке, попавшей в его дворец, и поэтому-то он и не стал показываться ей в своём облики чудища, чтобы не напугать её. А его ещё в детстве заколдовала быть в таком отвратительном виде злая волшебница, но на самом деле он был нормальным, хорошим и добрым человеком, как оказалось, и Настенька, полюбив его за дружелюбие, за ласковое и заботливое отношение к ней, тем самым смогла его расколдовать. И вот все настоящие пацаны (на уровне, наверное, инстинкта) также считают себя «чудищами» (или около того?) до поры до времени, – пока их не полюбит красивая девчонка (а это же всё равно должно когда-то непременно случиться, так?), а пока они верят в это и ждут.

Я, конечно, не считал себя таким уж на сто процентов чудищем, но, с другой стороны (если честно!), кто ты тогда есть (и какой ты), если тебя ещё не полюбила красавица?..

А у нас в подъезде стали происходить (после этого?) какие-то интересные вещи (происшествия ли, сказать). Как-то

среди недели (а продолжалось ведь летнее прекрасное каникулярное время!), часов около десяти утра, я услышал, как в подъезде вдруг раздалось «ангельское пение» (а при однодверных входных дверях в квартиру всё ведь, что происходит вовне – на всех лестничных площадках подъезда, – ведь всё же это очень даже преотлично слышится!). Конечно, по праву надо сказать, что «ангельское» это пение не было как бы отрывками какими-то из арий, или опер, или песен – просто это были отдельные напевы или даже пропевание некоей череды нот (говорят вот – гамма нот, хотя тут я не силён в музыкальной науке, которая называется «сольфеджио», поэтому скромно умолчу). И это «ангельское пение» шло (и спускалось) сверху вниз по всему подъезду и исходило явно от человека (голос-то был девчоночий!), спускающегося вниз. Так это было в первый раз, когда я услышал (как я это назвал) «ангельское пение»...

А во второй раз я как услышал это «ангельское пение», так сразу ринулся на кухню (а окно нашей кухни на втором этаже расположено наискосок над входом в подъезд – и всё видно), чтобы посмотреть – кто же выйдет из подъезда.

Конечно, как я и предполагал (а кто там мог ещё появиться, если ранее таких концертов в нашем подъезде вообще никогда не было?!), это была, естественно, она – наша сногшибательная красавица Юля (ребятам я верил, но тут увидел её впервые сам)!

Я её не буду расписывать (а она, когда вышла, немного

ещё полуобернулась, показав – кратко-кратко! – свой ангельский, как говорят поэты, профиль). Я и так верил нашим дворовым ребятам (на них можно было положиться в любом вопросе и в любое время), что она – непременно! – красавица. А тут убедился... Потому что настоящую красавицу нельзя перехвалить, и наши ребята её только похвалили. А похвалить красавицу – не значит преувеличить...

Вот так. А я, значит, с этого самого момента, можно сказать, рухнул. Ранее-то я не считал себя чудищем – совсем-то уж! Ну, скажем, только процентов, может, на тридцать... А тут смотрю, проценты мои резко вдруг подтаяли и брякнулись – с тридцати на все сто процентов!

Я вдруг стал (ощутил себя) самым полноценным «чудищем» (в своих пока ещё ясных и не очень затуманенных очках)!

А это тяжело, ребята! Да...

Вот такие дела. Но надо, скажем, как-то жить, ведь так?

Вот говорят, влюбился... А что это? Как это бывает? В книгах пишут, в кино показывают. Вот я сказал «Юля», назвал её имя, а она даже ещё и не знает меня, и не видела никогда, и не знакома со мной. А я (а это называется «запанибрата», и это, в общем-то, подло!) уже разглагольствую о ней как о своей наипервейшей знакомой...

Прошло какое-то время (а я ведь не всегда был с утра дома – три раза в неделю у нас проходили тренировки в футбольной секции), и вот я снова слышу, как я уже это назвал, «ан-

гельское пение». Конечно, это была она – наша красавица, Юля! (Но почему у меня замерло сердце от произнесённого в уме её имени?). И что теперь делать? Я как-то, скажем, замешкался... Что делать (в глубине сознания пробивалась правильная мысль) – надо это заранее было уже обдумать, а не сейчас вот срочно размышлять.

Ну ладно – буду (всё-таки!) размышлять (примусь вот сейчас же усиленно размышлять!)... А пока я (в тяжёлом каком-то ступоре) начал (или продолжил?) размышлять, она уже прошла мимо двери вниз (её шаги я слышал, находясь по эту сторону входной двери).

Мыслей не было никаких. Или я уже совсем отупел, или что это со мной?..

Через два-три дня – то же самое: слышу – вот она вышла (вот раздаётся в подъезде наверху «ангельское пение») и вот она идёт и проходит уже рядом с нашей дверью. А меня как чурбаком огрели – стою в каком-то оцепенении.

Так... Я уже и забыл, о чём мне надо было усиленно размышлять, и всё вот уже путалось-путалось и запуталось вконец в моей голове... И тут меня неожиданно осенило (или, правильно сказать, огорошило!), что вот сейчас наконец я и стал – полностью! – походить на то самое чудище из «Аленького цветочка», которое боялось показаться девушке Настеньке. Но там-то было другое, там он (чудище) боялся показаться потому, что стеснялся своей внешности, а я-то чего боюсь? А я (оказывается) боюсь показаться потому, что не

знаю, что мне сказать ей (вот так в конце концов определил я своё это внутреннее состояние – вот так примерно я стал выстраивать и излагать в голове свои корявые мысли).

И вот смотрите, какая ещё чепуха произошла (или состоялась), – я ещё даже и не показался ей ни разу, она ещё и не знает про меня – не знает, что я такой есть и существую в матушке Природе, – а я уже боюсь её!..

А тут (в голове кавардак!) пошёл за газетами (у нас ящики газетные расположены между первым и вторым этажами), и вот (вдруг!) – или бдительность я вообще потерял напрочь, или время было ещё не то, чтобы исполнить ей её «ангельское пение» – я слышу (а в голове уже каша образовалась и наслоилась от всех этих размышлений!), через всю эту кашу я слышу (вдруг!) «ангельское пение» (и оно неотвратимо приближается ко мне!). А я тут!..

Вообще, она ведь меня не видела ещё. Она вывернула из лестничного марша, глянула, что кто-то стоит, и умолкла (оборвала своё «ангельское пение»)...

А я в это время на неё не смотрю (и откуда вот это умение приходит к нам в нужную минуту?), я в это время (почему-то?) начал шарить взором (как говорят) по потолку. И говорю – ей или кому-то там, кто пришёл, я ведь «не знаю», кто это пришёл и кто это вот сейчас пел «ангельски», и я, значит, говорю (как бы в пространство):

– Вот никак не могу их увидеть, этих ангелов, что поют...
Говорю серьёзно и вполне разумно (как это должно по-

казаться со стороны). И, обернувшись к ней (а она на эти все мои слова, на вот такую новость, уже глазки вопросительно округлила; нельзя же говорить такое о красавице, что она глазищи выпучила, нет – она просто изумительно глазки округлила, что вполне приемлемо должно быть для красавицы), я добавляю:

– Ты не видела тут ангелов, что поют? Я вот никак не могу их увидеть, они сразу улетают...

И я начинаю разумно (а как ещё?) водить рукой по сторонам (в другой руке газеты), показываю на потолок (объясняя тем самым, что везде пусто и никого нет), недоумённо пожимаю плечами... Делаю очень вопросительное лицо (вот откуда вдруг это во мне нашлось и сейчас вылезло?).

Она что-то вроде сообразила всё-таки (да и видит, что парень какой-то, хоть и незнакомый, стоит и вещает о каких-то ангелах поющих, но с газетами, а значит, тутошний житель), и говорит:

– Нет, не видела.

И тут тень улыбки промелькнула – я заметил! – на её прекрасных губах.

– Здравствуйте! – сказала она и по-девичьи неумело поскокала вниз (а девчонки ведь – я давно заметил, – когда превращаются в девиц, совершенно перестают уметь бегать!).

– Не «здравствуйте», а «здравствуй»! – неожиданно (и в первую очередь для себя самого) выдал я (почувствовав, что меня «понесло» – и, наверное, это тоже было со страху!). –

А лучше сказать – привет! Я же не дедушка какой-нибудь, да и ты не бабушка, чтобы выкать...

Она ускакала. А я почувствовал, что неожиданно «оправился» – так мне стало вдруг легко и приятно. Теперь-то мы, конечно, будем друзьями, и мы будем всегда говорить между собой только на «ты» (как истинные и настоящие соседи по подъезду, а не какие-нибудь чопорные англичане, которые уходят не прощаясь – вот-вот, это надо будет мне запомнить и в следующий раз ей об этом сказать, ведь она же убежала не прощаясь – вот и снова тема для разговора появилась!).

И, конечно, время уже не заставило себя ждать. Не далее как на завтра (а чего ждать да переживать – ведь говорят же: «Куй железо, пока горячо!», а я ведь её караулил, как часовой, стоя за своей дверью) я уже был в полной готовности. И только раздалось «ангельское пение», и только-только она спустилась к моей лестничной площадке (вот-вот)... как я (вроде как неожиданно) появляюсь из-за двери.

А я на неё и не смотрю (у меня же совсем другие заботы)! Я как вышел, сразу начинаю усиленно шарить своим ясным взором по потолку и говорить (почти как бы причитать, как какой-нибудь дедушка Пихто, говоря как бы в никуда):

– Вот, опять улетели!.. Да что же это такое?! Когда же я увижу этих ангелов, что так прекрасно поют?

И я буду картинно разводить руками (вроде как обескураженно и в бессилии что-либо предпринять), а встретившись с ней глазами, поспешно добавлять, прикинувшись Ивануш-

кой-дурачком (но она-то всё равно всё же будет понимать правильно!):

– Вот, опять улетели! Опять не уследил! Не успел!.. А ты их в этот раз не увидела?.. – к ней обращаться. – Этих ангелов...

А она опять будет говорить, что не видела ангелов... (хотя ангел-то – она сама!).

– Ну, увидишь, так расскажешь, какие они, – буду просить я. – Красивые, наверное...

– Ладно! – будет заверять она (хитро-хитро!). – Расскажу.

И так у нас и пойдёт! Наша дружба. Потому что это ведь очень здорово – дружить с красавицей!.. Это просто-напросто прекрасно!..

Ревизор

(Хитрая езда)

Это сейчас в каждом вагоне электропоезда по два... как их назвать?... – кондуктора? контролёра-кассира? – две тётки, проверяющие проездные билеты у пассажиров (и они же продают такие билеты входящим на остановках), а в те (наши!) времена (когда мы были молодыми и каждый из нас, по сути, считал себя потенциальным и годным прототипом, а то и непревзойдённым героем (да хоть и в мечтах!) очень популярной в то время песни: «Помню, помню, мальчик я босой в лодке колыхался над волнами, девушка с распущенной косой мои губы трогала губами...», – никаких таких тётчек в вагонах электричек не было, а билеты проверяли (не систематически, а изредка, но как-то всегда внезапно) ревизоры (мужчины), и билеты они не продавали (не было у них такой функции), а безбилетников (если у них не было денег на штраф, а он порой оказывался даже меньше, чем стоит проезд до самого конца маршрута), просто высаживали – как это называлось, «на следующей остановке».

Пару раз я видел, как это происходило: вдруг организовывался некоторый «шум» возле обнаруженного безбилетника. Ревизоров, надо сказать, всегда было по два человека, они входили как-то незаметно (а их и не отличить было от обыч-

ных людей, выдавали этих служивых только фуражки с лаковым козырьком, но и они были какие-то серовато-неприметные, неброские), один сразу же приступал к обязанностям, а второй, оповещая: «Граждане, приготовьте проездные билеты к проверке!» – проходил в конец салона и проверять билеты начинал уже оттуда; и так они и двигались в вагоне – навстречу друг другу. Так вот, организовывался некий, скажем так, «скандальчик» показательный, на несколько повышенных тонах голоса – это делалось, видимо, в назидание другим пассажирам, да и ведь безбилетник тут же начинал оправдываться, что тоже всегда раздражает любого проверяющего, что-то придумывать или же откровенно врать: вот, мол, был билет да куда-то запропастился, куда-то исчез, но точно был. А ревизорам (тут они уже вдвоём друг друга страховали-подстраховывали – всякое ведь в поезде может случиться!) приходилось заранее быть «строгими» и «неприступными», как реальным представителям власти, и при этом, как представителям власти, им, видимо, вменялось вести и «воспитательную работу» – не механически же и безмолвно (как бездушным роботам!) «сдирать штраф», а «разъяснять» при этом: нехорошо, мол, и некрасиво, гражданин (гражданка), ездить без наличия проездного билета, и как это можно ездить без наличия проездного билета, и что будет, если все начнут ездить без наличия проездного билета... Ревизорам приходилось (вменялось) «настоятельно» (это означало – активно, но «без рук») «проводить» безбилетника (если он не

оплатил штраф) в тамбур (а там кто знает, высаживали они безбилетника или так – «прощали» до следующего, как говорят, раза?)... Но и здесь особо ответственным ревизорам приходилось быть очень бдительными, поскольку безбилетник (очень «отчаянный» – то есть «систематический», а, попросту говоря, наглый) мог тут же перебежать – делов-то, как говорится! – и быстренько взобраться в другой вагон (и поминай как звали!)...

Вот так это было «на заре нашей юности», как говорят поэты и примкнувшие к ним литераторы (вплоть до уважаемых и непререкаемых классиков).

И вот ехал я раз в электропоезде, но не без билета (как это понимается в общем и прямом, так сказать, виде-случае), «на грани» (скажем) того. И тут следует сразу уточнить, что это было всего лишь раз, а то многие могут подумать, что такой случай был одним из череды таких «разов», и кто же в это поверит (тем более из тех, кто знает меня), а если и поверят, то это же будет нескромно и даже, откровенно говоря, дерзко и плохо с моей стороны, потому что постоянно (или даже частенько) ездить без билета – это всё же плохо!..

В тот самый раз билет у меня был. Но только на несколько остановок (зон пути), минут на сорок движения электропоезда.

В подзаголовке рассказа указано «Хитрая езда...», но это, однако, не значит, что я хочу похвастаться и расписать тут, вот какой, мол, я хитрый. Нет, хвастаться я не хочу и не бу-

ду, да я и рассказ-то сначала хотел вести не от первого лица, а от имени какого-нибудь Петрова (как это обычно бывает). Но потом подумал: а что, Петров виноват? Может, вот как раз человек с такой фамилией (одного я даже знаю) и ездит всегда в электричках (да и где бы то ни было!) с билетом, и каково ему будет всё это читать (хотя в рассказе, опять же, будет описана некая «хитрость», а ведь всем хочется быть хитрыми или – как это поблагозвучнее выразить? – остроумными). В общем, не знаю...

Тем более герой рассказа (то есть сам рассказчик) заявит, что он студент (вроде бы, с одной стороны, вполне сносное и всем понятное оправдание в безбилетной езде в электричке), но на всех студентов общим чоком валить такое обвинение тоже нехорошо...

Короче говоря, я буду рассказывать от себя (от первого лица, как это определено в творческой деятельности под названием «литература»), но сообщество студентов тоже не задену, так как назовусь не студентом, а абитурицей. Поскольку, во-первых, какой я был в то время студент, если ещё не сдал ни одной сессии? Любой уважающий себя студент предельно точно скажет и подтвердит, что это никакой ещё не студент, а элементарная (пошлая) абитурица! А, во-вторых, что с абитурицы можно взять?..

И вот ехал я в тот раз, ехал абитурицей, ехал с билетом (с ограниченным, как я уже сказал, диапазоном действия)... Но почти сорок минут пути уже прошли, и вдруг в вагон

заходит ревизор. Не «вдруг» заходит, я его, конечно, ждал, и «ждал с нетерпением», поскольку «драгоценные минуты», оплаченные («погашенные») билетом, не только истекали, а уже практически истекли! А он тут вот и появился («наризовался», как говорят)...

И ко мне он наконец подходит... А я уже всю «икру выметал» (но сижу – хвост поджал), и «непринуждённо» так это подаю ему билет. Я думал, что он не обратит внимания на зону в билете (не «шибко явно» это было напечатано), а следующая станция Исеть как раз и ограничивала эту зону – дальше начиналась шестая зона, более дорогостоящая, чем мной оплаченная.

Но ревизор оказался дотошный, он, профессионально глянув на мой билет (а служащему при исполнении своих обязанностей ведь нельзя отвлекаться на что-то постороннее, надо быть предельно сосредоточенным!), сразу «просёк поляну» и сказал:

– Так вам же сейчас выходить, молодой человек! – Не буднично даже сказал, а с некоторой озабоченностью в голосе, что, мол, как бы мне не проехать «свою станцию»...

Делать было нечего – я встал... и тут мне надо было думать и думать: времени-то уже нет, сейчас поезд остановится, а «этот» вылутился и смотрит. А он – ревизор – оказался почему-то в этот раз один, вот поэтому и задержался с проверкой; а я ведь сидел специально в середину состава, потому что кто вообще это может знать: с хвоста ревизоры

начнут проверку или же с носа поезда? Я (незаметно) вздохнул и пошёл, но пошёл в обратную сторону (которую ревизор уже проверил).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.